

DOI: 10.31857/S013038640012702-0

© 2020 г. С. В. Мироненко

К 150-летию СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

Рец. на книгу: С. М. Шахрай, К. П. Краковский. СУД СКОРЫЙ, ПРАВЫЙ, МИЛОСТИВЫЙ И РАВНЫЙ ДЛЯ ВСЕХ. К 150-летию СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ. Пекин: Издательство Китайского университета политических наук и права, 2020 (на китайском яз.).

Мироненко Сергей Владимирович – член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой истории России XIX – начала XX века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, научный руководитель Государственного архива Российской Федерации (Москва, Россия).

E-mail: svmir51@yandex.ru

S. V. Mironenko

ON THE 150th ANNIVERSARY OF JUDICIAL REFORM IN RUSSIA

Rec. ad op.: S. M. Shakhrai, K. P. Krakovskii. KUAISU, GONGZHENG, RENCHE RENREN PINGDENG DE FATING: JINIAN EGUO SIFA GAIGE 150 ZHOUNIAN. Beijing: Zhongguo Zhengfa Daxue Chubanshe, 2020 (in Chinese).

Sergey Mironenko, Department of Russian History of the 19th – early 20th century, Lomonosov Moscow State University; State Archive of the Russian Federation (Moscow, Russia).

E-mail: svmir51@yandex.ru

В мае этого года в издательстве «China University of Political Science and Law Press» (Пекин, КНР) вышла в свет на китайском языке монография двух известных историков государства и права, российских юристов С. М. Шахрая и К. П. Краковского «Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы в России». Российское издание этой книги, приуроченной к 150-летию судебной реформы 1864 г. в России, появилось в 2014 г., и было высоко оценено специалистами¹, прочно заняв достойное место в ряду отечественной юридической литературы.

На начало 2010-х годов пришлось 150-летие Великих реформ в России второй половины XIX в. В 2011 г. был отмечен юбилей освобождения крепостных крестьян, прошедший довольно громко. Судебная реформа 1864 г. в череде юбилеев не вызвала сильного общественного и научного резонанса. Но ей все-таки «повезло» больше,

нежели практически синхронной с нею земской реформе, круглая дата которой осталась фактически незамеченной. На этом фоне исследование С. М. Шахрая и К. П. Краковского как бы открыло заново судебную реформу 1864 г. не только для отечественного, но и китайского читателя.

Перевод этого масштабного труда выполнила профессор Хуан Даосю, крупнейший в Китае

¹ См.: *Тедеев А. А.* Рец. на книгу: Шахрай С. М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы в России // Вопросы правоведения. 2015. № 3. С. 279–282; *Павлов Д. Б.* Рец. на книгу: Шахрай С. М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы в России // Российская история. 2015. № 5. С. 203–205; *Немытина М. В.* Рец. на книгу: Шахрай С. М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы в России // Государство и право. 2016. № 5. С. 124–126, и др.

знаток русской правовой культуры, еще в 2011 г. награжденная орденом Дружбы за выдающийся вклад в развитие китайско-российских отношений в области права.

Авторы, сочетающие академические знания с богатым опытом практической деятельности в правовой области, продолжили логический ряд А.Ф. Кони, который в свое время писал об «отцах и детях судебной реформы». Они представили современный взгляд на историю полуторавековой давности, а также, что не менее важно, на последние события в судебном мире России, вплоть до сегодняшнего дня, в том числе в условиях нового этапа преобразований в судебной системе, старт которому был дан в 2013 г. Анализ проблем отечественного правосудия XIX–XX вв., предложенный авторами, оказался удивительно актуален и перекликается с современными реалиями.

С. М. Шахрай и К. П. Краковский создали фундаментальный труд, в котором предпринята попытка вывести осмысление судебной реформы 1864 г. на качественно новый уровень и тем самым вписать это событие и его последствия в те процессы, которые предопределили развитие России на протяжении последних полутора веков ее существования. Следует сразу сказать, что эта попытка авторам удалась сполна. Именно поэтому она вызывает желание не только отметить безусловные достоинства исследования, но и подискутировать.

Монографию С. М. Шахрай и К. П. Краковского выгодно отличает обстоятельный и профессионально выполненный историографический обзор, которого, следует признать, часто не хватает не только юридическим, но и историко-правовым исследованиям. Чрезвычайно ценным и полезным для читателей является систематизация авторами основных вопросов, на которых сосредоточивалось внимание дореволюционных, советских, постсоветских, а также эмигрантских и зарубежных историков. При этом авторы правомерно ставят вопрос о преемственности названных историографических линий. Они дают понять, что каждое новое поколение исследователей как бы наследует проблемы, которые их предшественники оставили нерешенными. Такая историографическая проработанность темы не может не вызывать восхищения скрупулезностью авторов, их стремлением к максимально полному охвату всех имеющихся на сегодняшний день исследований.

Нельзя не отметить широкое привлечение материалов крупнейших отечественных архивов – Российский государственный исторический архив, Государственный архив РФ, Российский

государственный военно-исторический архив, Отделов рукописей Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки, Российский государственный архив кинофотодокументов, Центральный государственный архив г. Москвы и др. Многие исторические документы впервые введены в научный оборот, что повышает ценность этого издания для российских и зарубежных ученых.

Помимо редких документальных источников, работу отличает тщательно подобранный изобразительный ряд. Весьма ценно, что китайское издательство бережно отнеслось к точному воспроизведению уникального иллюстративного материала, содержащегося в работе С. М. Шахрай и К. П. Краковского. Страницы монографии становятся «окном в прошлое», своего рода печатной версией музейной экспозиции: копии редких документов, обнаруженных авторами в различных отечественных архивах, портреты выдающихся государственных мужей, копии публикаций в периодической печати того времени. «Эффект присутствия» усиливается подлинными фотографиями зданий и интерьеров судов Российской империи.

Китайский читатель, как в свое время и российская аудитория, получил возможность увидеть редкие и уникальные исторические документы. Среди них, например, письмо Л. Н. Толстого А. Ф. Кони, повествующее о работе над романом «Воскресение», сюжет которого был подсказан великому писателю знаменитым юристом (роман первоначально назывался «Кониевская повесть»); входной билет, выписанный Ф. М. Достоевскому как «представителю прессы» в Петербургском окружном суде на знаменитом процессе Веры Засулич, обвиняемой в покушении на убийство петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова (1878 г.); прошение о помиловании, собственноручно написанное террористом Дмитрием Каракозовым в адрес своей несостоявшейся жертвы – императора Александра II; протокол допроса управляющего Юго-Западными железными дорогами С. Ю. Витте (будущего «отца русской индустриализации»), в связи с крушением царского поезда Александра III (катастрофа, произошедшая 17 (29) октября 1888 г. на участке Курско-Харьково-Азовской (ныне Южной) железной дороги у станции Борки под Харьковом), и многие другие другие материалы.

Особый интерес представляет собранная авторами и представленная на цветных вклейках своеобразная коллекция репродукций картин русских художников, в основе которых лежали юридические

сюжеты, и представляющая художественный образ процесса осуществления правосудия.

Богатейшая документальная основа, мультидисциплинарные теоретико-методологические подходы и оригинальный исследовательский взгляд позволил авторам по-новому рассмотреть сюжеты, которые уже не раз становились предметом рассмотрения в науке.

Авторы поставили перед собой три задачи. Первая – взглянуть на реформу и ее последствия, так сказать, «изнутри»: разобраться в том, что она собой представляла, что и как она реформировала, и, наконец, какой стала созданная ею новая судебная система империи. Вторая задача – это обозрение реформы уже «извне»: сквозь призму той политической повестки, которая стояла перед властью в пореформенную эпоху и в непродолжительный период «квазиконституционализма» – после издания Манифеста 17 октября 1905 г. и до Февральской революции 1917 г. Третья задача, в формулировке авторов, сводится к тому, чтобы «продемонстрировать “живучесть судебной реформы”», причем в перипетиях не только начала минувшего столетия, но и последующих, – советского и постсоветского этапов (с. 10). Сообразно с поставленными задачами материал книги распределен по трем частям, что в целом не вызывает возражения. Причем частям неравномерным: самой крупной является первая часть – взгляд на реформу «изнутри». Меньшей оказалась вторая, в которой реформа, ее результаты и судьба рассматриваются «извне» – на фоне политического развития империи. И совсем небольшой оказалась третья часть – о «живучести» реформы на протяжении всего прошлого века и вплоть до наших дней.

В первом разделе книги («Судебная реформа») дан всесторонний анализ всех аспектов нового порядка судостроительства и судопроизводства по Судебным уставам 1864 г., показано становление совершенно новых правовых институтов (судебные следователи, адвокатура, нотариат), дана обширная, основанная на документах информация о правоприменительной деятельности новых судов в пореформенный период. Авторы вполне убедительно показали, что судебная реформа 1864 г. имеет конституционное значение, поскольку в Судебных уставах впервые устанавливались правовые гарантии личной и общественной свободы от произвола правительственной власти. Авторы подчеркивают, что значение Судебных уставов 1864 г. далеко выходит за рамки решения задач, связанных с организацией в России нового суда и новых судебных процедур.

Второй раздел книги получил название – «Судебная контрреформа». Такая формулировка у многих современных историков и юристов вызывает внутренний протест и неприятие, поскольку проблема контрреформ 80-90-х годов XIX в. вообще и судебной контрреформы в частности уже более века является дискуссионной. Однако для китайского читателя этот опыт представляет особый интерес. Тем более что последовательная смена реформ и контрреформ, как это давно признано в отечественной исторической науке, – характерная черта русского исторического процесса нового и новейшего времени². Смысл контрреформ истории справедливо усматривают в усилении административного контроля и надзора со стороны государства за общественной жизнью.

Суть антитезы – вопрос о том, какой перспективный путь развития экономики, политических и социальных отношений выбрать: продолжение их регулирования со стороны административного аппарата или свободное развитие частной инициативы, предпринимательства и конкуренции. Реформы 60-х годов XIX в. открыли путь к свободе, но потом последовал «откат», суть которого – усиление надзора администрации и контроля государства за всеми сферами жизни общества. Это было в значительной степени (хотя и не буквально, не полностью) возвратом к дореформенному порядку.

Авторы представляют свою концепцию судебной контрреформы. Они рассматривают контрреформу как систему «мероприятий правительства, направленных на бюрократизацию судебной власти, ограничение судейской независимости как правовыми, так и противоправными способами, а также расширение административного элемента в юстиции за счет юридического». Все верно – указанные изменения в судопроизводстве, которые авторы вслед за И. В. Гессеном называют «бюрократизацией правосудия», действительно имели место. Но вот вопрос – а была ли реальная альтернатива политике контрреформ, смогла бы страна выдержать тот ритм преобразований, который был задан Великими реформами, было ли само общество в достаточной мере готово к тому, чтобы поддержать предложенный либеральной

² См.: Ильин В. В., Панарин А. С., Ахизер А. С. Реформы и контрреформы в России. М., 1996; Медушевский А. Н. Формирование гражданского общества: реформы и контрреформы в России // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 69–78; Новикова Л. И. Российские ритмы социальной истории. М., 2004. С. 35–36; Кириллов В. В. К истории реформ и контрреформ в контексте российской модернизации XVII–XX веков. М., 2005.

бюрократией и санкционированный самодержавием в лице Александра II сценарий форсированной модернизации? Думается, на сегодняшний день невозможно дать однозначно положительный или однозначно отрицательный ответ на этот вопрос. Авторы совершенно справедливо полагают, что дореформенный суд представлял собой «неказистый придаток величественной и грозной административной системы» и, по приводимому ими меткому выражению министра внутренних дел С. С. Ланского, «администрация ездил верхом на юстиции». Но из данной констатации вовсе не следует тот вывод, что «русский суд XVI – середины XIX в.» никак нельзя считать «надежной опорой режима, состояние которой могло бы серьезно отразиться на его устойчивости». Вряд ли стоит безоговорочно отвергать как абсолютного несостоятельного взгляд Б. Н. Миронова на дореформенный суд как на институт по-своему эффективный.

Внимательный разбор концепций тех, кого авторы называют «неоконсерваторами», работает, как представляется, на их концепцию всепроникающей и незатухающей «живучести» реформы. Если значение земской реформы было не столько в подведении нового основания под местное самоуправление, сколько в легализации – пусть лишь на уровне уездов и губерний – основ принципиально новой политической культуры, объективно и неизбежно враждебной самодержавному строю, точно так же главный смысл судебной реформы заключался не только в создании новой судебной системы, но и в том, что эта система бросала вызов традиционному правосознанию. В этом смысле она работала на слом сложившегося на протяжении нескольких веков государственного организма. Судебная контрреформа, равно как и общая неготовность общества (в его подавляющем большинстве) к восприятию новой правовой системы, умаляла производимый реформой 1864 г. эффект, но только по форме, а по сути они лишь стимулировали ту самую «живучесть», о которой говорят авторы, потому что даже в удушающих бюрократических объятиях новый суд работал на либерализацию правосознания и в целом политической культуры. При этом он оставался неувязимым в силу своей легитимности и продолжал свою незаметную работу по приучению и власти, и населения к началам, никак не вяжущимся с традициями и обычаями самодержавия. Да, в таком приучении, конечно, главную роль играли новые люди – присяжные и адвокаты, но не следует умалять значение и более незаметных и на первый взгляд политически безобидных и не

опасных для политической системы новаций. Взять хотя бы такой второстепенный – по сравнению с иными громкими в политическом отношении судебно-правовыми усовершенствованиями – институт, как нотариат, о становлении которого подробно говорится в исследовании С. М. Шахрая и К. П. Краковского в контексте истории реализации судебной реформы в целом. Не будет преувеличением сказать, что во многом именно через фигуру нотариуса судебная реформа вошла в повседневную жизнь, в том числе и добропорядочного обывателя, который мог никогда в жизни и не столкнуться с судопроизводством. И в этом смысле создание нотариата являлось ничуть не менее значимым фактором, нежели «бюрократизация правосудия». В конце концов, последняя была лишь частичным отступлением, тем не менее не ставившим под сомнение легитимность и основания реформы 1864 года. Некоторое ослабление социального радикализма нового суда только способствовало более мягкому и шадящему вхождению в новые реалии подавляющего большинства населения, продолжавшего пребывать в архаичной системе правовых координат.

Убежденность в «живучести» судебной реформы отнюдь не мешает С. М. Шахраю и К. П. Краковскому видеть ее изъяны. Например, говоря о суде присяжных, авторы отмечают и свойственную этому институту корпоративную необъективность, когда по определенному рода делам (в отношении конокрадов и поджигателей, а также отцеубийц и детоубийц) присяжные, как правило, действовали максимально строго. В результате, как отмечается в книге, Митя Карамазов из романа Ф. М. Достоевского «был практически обречен на обвинительный вердикт, неправильный по сути».

Ломает обывательское представление о государственной машине империи как едином механизме, отстаивающем интересы самодержавия в его борьбе с разного рода политическими оппонентами, прежде всего революционерами, раздел, в котором рассматривается Особое присутствие Правительствующего сената. Особое присутствие как «один из элементов судебной контрреформы», созданный для «судопроизводства по государственным преступлениям», часто действовал чуть ли не в противофазе с иными правительственными институтами, в частности с МВД и тем самым, как справедливо указывают авторы, не оправдывал возложенных на него надежд. Небезынтересно и замечание о «деморализации адвокатуры» с началом судебной контрреформы как ответственного проявления некоего «общеевропейского явления», вызванного общим подорожанием

«юридического сопровождения» со вступлением капитализма в его империалистическую стадию.

Вторая часть исследования представляет исключительную ценность с точки зрения содержащейся в ней информации, сгруппированной по четырем темам: непосредственный анализ системы ограничительных мер, функционирование юстиции в чрезвычайной ситуации 1905–1907 гг., биографические портреты министров юстиции и генерал-прокуроров, краткое изложение громких судебных процессов. Эта часть позволяет составить более или менее исчерпывающее представление о том, что собой представляла судебная система на закате Российской империи. Справедливо крайне негативно оценивается военно-полевая юстиция 1906–1907 гг. Авторы убедительно вскрыли ее неправовой характер: «Произвольно расширив сферу действия правового состояния необходимой обороны, государство (впрочем, не являвшееся в то время правовым) присвоило себе право расправы с оппозицией с помощью средств, размер, жестокость и интенсивность которых оно само определяло, главным образом соотнося их с интенсивностью действий самих революционеров» (с. 20). Безусловно, в корне неверно оправдывать развернутые правительством репрессии против восставшего населения соображениями практической целесообразности или, тем паче, интересами сохранения основ государственности. Но дело в том, что столыпинской модернизации, оставшейся, наверное, единственно возможным способом мирного реформирования государства, требовалась именно такая юстиция — с явным перекосом в сторону усиления полномочий следствия и прокуратуры и неизбежными злоупотреблениями в этих сферах. Да и сам И. Г. Щегловитов хотя и не принадлежал к обойме высших правительственных чиновников типа А. Ф. Трепова, которых в последнее время все чаще именуют «русскими технократами», но, во всяком случае, был явной персоной нон грата для «темных сил», что о многом говорит в непростой ситуации кануна Февральской революции.

Что касается третьей части с характерным названием «“Ренессанс” Судебных уставов», то особую ценность для истории собственно судебной реформы представляют две ее первые главы — о некоторой корректировке контрреформы в самом начале XX в. и о политике Временного правительства в сфере судопроизводства. Причем в последнем случае с оговоркой, что эта деятельность по созданию новой российской юстиции в марте–октябре 1917 г. во многом проистекала из не получивших развития начинаний еще дореволюционной эпохи. В последней главе третьей части

«Судебная реформа: вчера, сегодня, завтра» авторы развивают мысль, что исторический путь к конституционной монархии в России начинался не со становления парламента, как в других странах, а с создания именно судебной ветви власти, которая возникла на сорок лет раньше законодательной. Фактически речь идет о том, что судебная реформа 1864 г. по своей сути была реформой конституционной.

Именно этот «конституционный потенциал» и вызывал у адептов самодержавного авторитарного режима жесткое неприятие судебной реформы. По свидетельству государственного секретаря А. А. Половцова, Александр III считал, что Судебные уставы «были утверждены покойным государем по настоянию лиц, желавших навязать ему конституцию, к которой это и был первый шаг»³. Отсюда и его последовательные шаги по реализации судебной контрреформы в 80-е годы XIX в., истории которой авторы уделили особое внимание.

Третья часть содержит интересные материалы, демонстрирующие феномен «живучести» судебной реформы. Здесь показано, как в течение XX в. предпринимались попытки своеобразного «перезапуска» судебной реформы 1864 г., направленные на то, чтобы возродить ее «букву» (в начале XX в.), дух (в середине XX в.) или принципы и отдельные институты (в конце XX в.).

С. М. Шахрай и К. П. Краковский верно отметили, что у судебной реформы 1864 г. было немало противников не только среди современников, но и в постсоветские времена. При этом современные критики активно используют позиции своих давних предшественников. Так, например, в качестве ключевого аргумента «против» из текста в текст кочует положение о якобы неготовности народа к такой радикальной судебной реформе. Авторы последовательно опровергают это утверждение с помощью ряда исторических фактов и приводят замечательную, удивительно точную мысль одного из «отцов судебной реформы» С. И. Зарудного: «Трудно думать, чтобы люди где-либо и когда-либо были приготовлены к дурному и незрелы для хорошего»⁴.

И в XXI в. современная судебная практика снова оперирует такими концептами полтора-двадцатилетней давности, как «мировые судьи», «суд присяжных», «независимая судебная власть». Не это ли лучшее доказательство, что судебная реформа

³ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря, в 2-х т. / Под ред. П. А. Зайончковского. М., 1966. Т. 1. С. 228.

⁴ Цит. по: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. СПб., 1914. Т. 1.

1864 г. несли в себе огромный позитивный потенциал. Многократное возрождение реформаторских идей является свидетельством их соответствия потребностям поступательного развития России.

Примечательной чертой, отличающей работу С. М. Шахрая и К. П. Краковского от формально-юридических исследований судебной реформы 1864 г., является широкое использование антропологического подхода. Как отмечали российские рецензенты, эта книга буквально «населена» людьми⁵. Значительный интерес представляют сделанные авторами по всему тексту книги вставки, рассказывающие о наиболее видных фигурах судебного мира России («Отцы судебной реформы», «Выдающиеся прокуроры», «Выдающиеся адвокаты», «Выдающиеся сенаторы», «Министры юстиции и генерал-прокуроры»), а также повествующие о самых громких процессах XIX- начала XX в.

Авторы дают живую картину подготовки и проведения судебной реформы, функционирования пореформенного суда вплоть до Октябрьской революции, правоприменительную практику советского правосудия, подчас весьма далекого от тех общечеловеческих стандартов, с которыми должно быть связано это явление («правый суд»).

Монография С. М. Шахрая и К. П. Краковского, формально относящаяся к исследованиям историко-правового характера, является удивительно созвучной сегодняшнему дню и вносит серьезный вклад в изучение самых актуальных вопросов современности. Как справедливо подчеркнул в предисловии к китайскому изданию председатель Российского исторического общества С. Е. Нарышкин, судебная реформа 1864 г., одна из череды Великих реформ Александра II, проведенных в 60-70-е годы XIX в., означала начало модернизации России. Именно этот опыт успешных перемен особенно ценен сегодня не только для нашей страны, но и для Китая, увидевшего в реформе судебной системы один из инструментов повышения эффективности государственного управления и создания атмосферы доверия между государством и обществом.

Следует признать весьма ценной попытку авторов посмотреть и оценить судебную реформу 1864 г. с позиций сегодняшнего дня, при этом не нарушив принципа историзма, оценить достижения и вклад создателей Судебных уставов в дело развития правовой культуры страны с точки зрения потребностей современной России. Главное качество суда — его справедливость или, пользуясь определениями, взятыми авторами из указа импе-

ратора Александра II 20 ноября 1864 г., его «скорый, правый, милостивый и равный для всех» характер — остается вечной и универсальной характеристикой подлинного правосудия. Другое дело, достигнуты ли такие стандарты в деятельности нашего отечественного суда. Книга заставляет читателя сравнивать прошлое и современность, напоминая об уроках судебной реформы 1864 г., которые, как представляется, остаются не выученными до конца и сегодня.

Особое внимание авторы монографии уделяют социальному значению вызвавших общественный резонанс политических процессов, исследованию осуществленных в результате реформы революционных преобразований в области судостроительства и судопроизводства, дискуссионным вопросам судебной контрреформы и многим смежным проблемам. При этом красной нитью в работе проводится обоснование наличия прямой зависимости между повышением качества судебной власти и благоприятными переменами во власти в целом.

Завершая размышления, вызванные исследованием С. М. Шахрая и К. П. Краковского, особенно хочется подчеркнуть, что монография убедительно показывает, что эффективная работа системы правосудия ведет не только к совершенствованию законодательной деятельности, но также обеспечивает ее настройку на реальные потребности государства, включая потребности развития национальной экономики. Такой подход авторов повышает актуальность и значимость рассматриваемого исследования для китайских читателей.

Библиография

Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России. М., 1996.

Кириллов В. В. К истории реформ и контрреформ в контексте российской модернизации XVII—XX веков. М., 2005.

Медушевский А. Н. Формирование гражданского общества: реформы и контрреформы в России // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 69—78.

Немытина М. В. Рец. на книгу: Шахрай С. М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы в России // Государство и право. 2016. № 5. С. 124—126, и др.

Новикова Л. И. Российские ритмы социальной истории. М., 2004.

Павлов Д. Б. Рец. на книгу: Шахрай С. М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы в России // Российская история. 2015. № 5. С. 203—205.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря, в 2-х т. / Под ред. П. А. Зайончковского. М., 1966. Т. 1.

Тедеев А. А. Рец. на книгу: Шахрай С. М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный

⁵ *Немытина М. В.* Указ. соч. С. 124.

для всех. К 150-летию Судебной реформы в России // Вопросы правоведения. 2015. № 3. С. 279–282.

References

I'in V. V., Panarin A. S., Akhiezer A. S. Reformy i kontr-reformy v Rossii [Reforms and counter-reforms in Russia]. Moskva, 1996. (In Russ.)

Kirillov V. V. K istorii reform i kontrreform v kontekste rossiiskoi modernizatsii XVII-XX vekov [On the history of reforms and counter-reforms in the context of Russian modernization of the XVII-XX centuries]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Medushevskii A. N. Formirovanie grazhdanskogo obshchestva: reformy i kontrreformy v Rossii [Formation of civil society: reforms and counter-reforms in Russia] // Reformy i reformatory v istorii Rossii [Reforms and reformers in the history of Russia]. Moskva, 1996. S. 69-78. (In Russ.)

Nemytina M. V. Rets. na knigu: Shakhrai S. M., Krakovskii K. P. Sud skoryi, pravyi, milostivyi i ravnyi dlia vsekh. K 150-letiiu sudebnoi reformy v Rossii [Rets. on the book: Shakhrai S. M., Krakovsky K. P. The fast, right, merciful and equal court for all. To the 150th anniversary of the judicial

reform in Russia] // Gosudarstvo i pravo [State and law]. 2016. № 5. S. 124–126, i dr. (In Russ.)

Novikova L. I. Rossiiskie ritmy sotsial'noi istorii [Russian rhythms of social history]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Pavlov D. B. Rets. na knigu: Shakhrai S. M., Krakovskii K. P. Sud skoryi, pravyi, milostivyi i ravnyi dlia vsekh. K 150-letiiu sudebnoi reformy v Rossii [Rets. on the book: Shakhrai S. M., Krakovsky K. P. The fast, right, merciful and equal court for all. To the 150th anniversary of the judicial reform in Russia] // Rossiiskaia istoriia [Russian history]. 2015. № 5. S. 203–205. (In Russ.)

Polovtsov A. A. Dnevnik gosudarstvennogo sekretaria, v 2-kh t. / Pod red. P. A. Zaionchkovskogo [Diary of the Secretary of state, in 2 vols. / Ed. P. A. Zayonchkovsky]. Moskva, 1966. T. 1. (In Russ.)

Tedeev A. A. Rets. na knigu: Shakhrai S. M., Krakovskii K. P. Sud skoryi, pravyi, milostivyi i ravnyi dlia vsekh. K 150-letiiu sudebnoi reformy v Rossii [Rets. on the book: Shakhrai S. M., Krakovsky K. P. The fast, right, merciful and equal court for all. To the 150th anniversary of the judicial reform in Russia] // Voprosy pravovedeniia [Legal issues]. 2015. № 3. S. 279–282. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640012703-1

© 2020 г. Т. М. Фадеева

ПАРТНЕРСТВО С ЭКСТРЕМИСТАМИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Рец. на книгу: Kimberly A. Twist. PARTNERING WITH EXTREMISTS: COALITIONS BETWEEN MAINSTREAM AND FAR-RIGHT PARTIES IN WESTERN EUROPE. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2020, 355 p.

Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: fadeewatjana@yandex.ru

eLIBRARY ID: 42532716

T. M. Fadeeva

PARTNERING WITH EXTREMISTS IN WESTERN EUROPE

Rec. ad op: Kimberly A. Twist. PARTNERING WITH EXTREMISTS: COALITIONS BETWEEN MAINSTREAM AND FAR-RIGHT PARTIES IN WESTERN EUROPE. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2020, 355 p.

Tatiana Fadeeva, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: fadeewatjana@yandex.ru

eLIBRARY ID: 42532716